

Коржавин Наум
314

Кн. обозрение. — 1994. — 19 апр. — с. 9.
«МИР БЕЗ ПАРАМЕТРОВ — ЭТО ТЯЖКОЕ ДЕЛО», —

заметил Наум Коржавин, когда в последний раз приехал в Москву

— Это частный или деловой приезд, Наум Моисеевич?

— И частный. И деловой. Здесь моя жизнь.
 — У вас что-то будет издаваться в Москве?
 — Надеюсь, что будет издаваться. Вот написал продолжение мемуаров — о событиях с сорок первого по сорок четвертый год. Еще не знаю, где это будет напечатано. Есть отдельные стихотворения. Но вообще мало писал стихов. Стихи — вещь обобщенная. А хочется прямого и конкретного разговора о том, что важно для выживания.

Когда-то, очень давно, я пошутил, что у Горбачева просто не было другого выхода, чем стать выдающимся государственным деятелем. Ситуация была трагической с самого начала, хотя многие и пребывали в эйфории. Казалось, что мы стоим в преддверии рая. А на самом деле нам всего лишь представилась возможность поискать дорогу к спасению.

— Но мы ее нашли? Хоть встали на нее?
 — Ну, я не оракул, чтобы вещать истины. Хотя, пожалуй, пока мы скорее заваливаем себе путь, чем его расчищаем. Опять начали с того, что стали ломать, разрушать.

— Вы с детства полюбили овал...

— При нашей мертвящей системе все равно ведь люди жили, что-то делали. Скажем, существовала система образования — чем она была плохая? Разве тем, что советская — борьба за успеваемость и прочее. А так — нормальная европейская система образования. Нет, пошли экспериментировать. На Западе-то давно с образованием экспериментируют. Хотя все эти попытки сводятся к тому, как еще Ключевский писал, чтобы попытаться вкушать сладкие плоды учения, минуя его горький корень. Хотят чему-то научить, не затрудняя. Но таблицу умножения все равно придется зубрить, сколько ни экспериментировать.

— А если говорить не только об образовании, а шире?

— Самое плохое, что очень ослаблена деятельность государства.

— Вы государственный, Наум Моисеевич?

— Разумеется, государственный. Я за то, чтобы государство всячески укреплять. Свободное, разумеется, государство. На путях несвободы мы исчерпали все резервы.

— У нас всегда приходится почему-то выбирать: государственность или свобода.

— Потому что государство у нас не выполняет своих функций. Какая может быть свобода, если первый встречный на улице может тебя убить, ограбить, унижить? Криминальные элементы имеют больше власти, чем государство. Преступники, разумеется, есть во всех странах, но они знают: улица — не ихняя. Какие бы политические страсти ни сотрясали общество. Во Франции бывали времена, когда коммунисты получали до двадцати пяти процентов голосов на выборах. Но на улицах при этом было чисто. Плакаты с предвыборной агитацией вешались там, где для них было отведено место.

— Может, нынешний разгул преступности — самый зрелый плод с древа советской власти.

— Все, разумеется, имеет свои причины. Но большинство населения — не мафиози.

— Многие из того, что нам не нравится, как раз и пришло со свободой. Точнее — с ослаблением.

— Ну что там пришло со свободой неприятного? Картинки с голыми дамами? Это скоро перестанет занимать людей, уверяю вас. Уже перестает. Посмотрите: на Западе эти самые секс-шопы почти всегда пустые.

— В чем-то мы все-таки ошиблись.

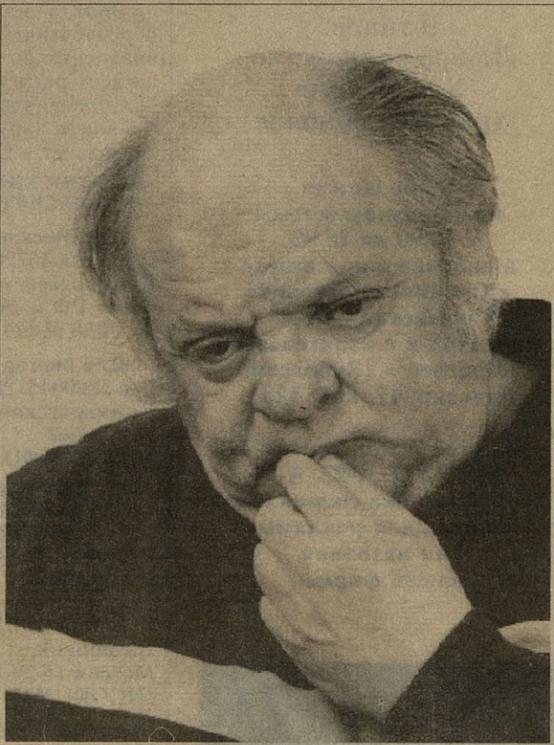
— Я всю жизнь об этом думаю. А знает ответ, наверное, один Бог. Мы над пропастью. Ну так и не следует туда друг друга спихивать. Не надо толкаться на льдине, которая качается, — я эту фразу уже столько раз повторял, что самому неловко.

— Город Бостон, где вы сейчас живете, довольно далеко от пропасти, готовый нас поглотить.

— Ну, во-первых, не так далеко. А во-вторых, я и на Америку до сих пор смотрю глазами «человека отсюда».

— Вам не нравится Америка?

— Мне нравится Америка. Мне не нравится средняя американская интеллигенция. Впрочем, как и средняя российская. Есть — и в Америке, и, само собой, в России — интеллектуальная и духовная элита. И «средние» — я не имею в виду при этом материальный достаток или положение. На Западе это люди, которые чаще всего поддерживают левые диктаторские режимы, предпочитают ломать, а не строить. Они легко и размашисто выносят приговоры. Помню, мне один американский физик сказал: «Русским не очень нужна свобода». Что ж, говоря, вы думаете, вам свобода

нужна больше, чем Сахарову? Это интеллигенция, которая не мыслит, но претендует на роль мыслителя.

— А в России какой средний интеллигент?

— А наши поддерживают любой ценой Гайдара. Я не ставлю вопрос — кто прав. Но они не желают слушать никаких возражений. Им кажется, что так должны думать все, кто достоин внимания. Остальные — чуть ли не сторонники ГУЛАГа. Пусть Бог простит русской интеллигенции увлечение Гайдаром.

— Наум Моисеевич, а если бы вы были в России в дни выборов, за кого бы вы проголосовали?

— Я теперь — гражданин США, так что мне ни за кого голосовать не положено. Но если от этого отвлечься, то, может быть, проголосовал бы за Явлинского. Он говорит разумные вещи.

— А за Гайдара — нет?

— За Гайдара — нет, не голосовал бы.

— Но ведь только у него была какая-то программа.

— Теоретически, может, у него и выходило правильно. Хотя... Я не специалист, не экономист, но даже я понимал, что получится из его реформ. И говорил об этом. И, к ужасу своему, оказался прав. Именно Гайдар создал реальность, которую Зюганов и Жириновский использовали в своих сюрреалистических целях.

Я все думаю: ну ради чего они рвутся к власти? Вот Зюганов: его партия уже была у власти, уже обанкротилась. Ну что она может предложить? «Социальная защита»... А кто-нибудь говорит, что ее не нужно? Кто-нибудь — против социальной защиты? Это что, программа — «социальная защита»? Так мне хочется тоже, чтобы моя жена дом купила — однако денег нет. И вся социальная защита на этом кончается. Сегодня в России рваться к власти — все равно, что бороться за право сесть голым задом на ежа.

— Те, кто сидит, вроде не жалуются. И слезать с ежа не хотят.

— Ну-у-у! Еж еще и не показывался.

— А когда покажется?

— Когда люди совсем перестанут работать. Ведь сопротивление народа власти не в том, что он объявит забастовку или кричит на митингах. А в том, что не работает. Особенно если его заставляют. Сталин — и тот не сумел в конечном итоге.

— А может, мы просто не умеем работать, как на Западе? Пишут же, что тут все дело в особенностях религиозной традиции, в протестантской этике.

— Чуть. Я поездил по западным странам. Везде видел русских. Причем не интеллигентов, простых людей: рабочих, казаков. Они работают не хуже западных людей. Может, еще и лучше.

— И не пьют?

— Представьте, не пьют. В том смысле, как это у нас имеется в виду. А зачем ему пить, если ему светит лучшая жизнь, если он перспективу видит, развивая свое дело. Это же азартное занятие.

Беседовала Татьяна БЛАЖНОВА.
 Фото А.ЛЕМЕЦКОГО.

«БЛАЖЕН, КТО МОЛЧА БЫЛ ПОЭТ»

Напомню текст пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом», в котором появляется вынесенная в заголовок строка.

«Стихи для вас одна забава», — обращается книгопродавец к поэту, — «... слава заменила вам мечтанья тайного отрады. Вы разошлись по рукам...» Прекрасно чувствительный.

Поэт отвечает книгопродавцу:

*Блажен, кто про себя тайл
 Души высокие созданья
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувства
 воздаянья!*

*Блажен, кто молча
 был поэт
 И терном славы не увитый,
 Презренной чернию
 забытый,
 Без имени покинул свет!*

Эти пушкинские строки я вспомнил, недавно получив из Санкт-Петербурга книгу Евгении Львовой, названную одной из ее строк — «Желанный гость из сказочных миров». У книги своя история.

Две сестры, оставшиеся в кругу петербуржцев, жили, что называется, душа в душу. Чем сильнее это единство, тем больнее расставание. Одна из сестер — Евгения — скончалась, оставив в горе Ирину, которая обнаружила немалый корпус стихов, переводов, записей ушедшей. Это все были рукописи, Евгения писала в силу потребности в высказывании, печататься не хотела. Что касается Ирины, то она задалась целью обнародовать стихи сестры. Ученая женщина впервые столкнулась с литературно-редакционно-издательским миром, который не утешил ее, а, напротив, сильно опечалил. Люди слушали, сочувствовали, восторгались, советовали (некоторые), рекомендовали (многие), напутствовали (все). Все сводилось к разговорам. Помогать делом не хотел или не мог никто.

Удалось подготовить две радиопередачи в Москве и Питере. Благоприятные отклики. Ирина на этом не могла успокоиться. Во что бы то ни стало ей хотелось издать книгу Евгении Львовой. Одни не советовали ей в такую тяжелую для поэзии пору издавать приготовленную книгу. Другие советовали выпустить компьютерным способом 200—300 экземпляров. Третьи категорически были против издания: для этого, говорили, надо обречь себя на адовы муки, ты не выдержишь.

Теперь, когда книга издана, Ирина Львова, шадя наши и свои нервы, не хочет поведать нам повесть о том, как и какой ценой ей удалось издать книгу в пору, когда выпустить в свет любое сочинение в любом жанре — это лезть костями. Она неузнаваемо изменилась, помрачнела. Но — издала. Руки разбила в кровь, но — дверь открыла. Друзья-петербуржцы удивляются, поздравляют, умиляются, ума не приложат, восхищаются и... молчат. Решил нарушить молчание.

Книга вместила всю жизнь

Евгении Львовой. Для того, чтобы это понять, надо углубиться в тексты. Мне хочется показать читателю некоторые, как мне кажется, зазывные строки неведомого (теперь уже ясно: для всех неведомого) поэта.

Четверостишие, вместившее зиму, Питер, находящегося в их эпицентре человека:

*Зима взбесилась
 окончательно,
 И, оттеснив весну на юг,
 Она метет наш город
 тщательню
 Колочим венком из вьюг.*

Снова знакомое, питерское, но по-новому увиденное:

*Вода вскипает у ступеней,
 И, ежась от машинных фар,
 Могучих львов густые тени
 Лениво катят лапой шар.*

Пейзаж и еще нечто:

*Гололед, гололед,
 То ль вода, то ли лед.
 Полудождь, полуснег,
 Полусон, полубег.*

Это начало, а в концовке:

*Гололед, гололед,
 То ль вода, то ли лед,
 То ли дождь, то ли снег —
 Все смешалось в наш век!*

Пейзаж с улыбкой:

*Туча, как Тришкин кафтан,
 Ключьями небо свисает;
 Там — оторвался карман,
 Тут — рукава уползают...*

Прощаешь глагольную рифму. Почему? Да потому, что подкупает интонация. Кстати, о рифме есть у Евгении Львовой высказывание, не лишнее интереса:

*Рифма неуловима,
 Как неуловим ритм.
 Рифма неповторима,
 Как неповторим ритм...*

Очень просто и в то же время глубоко, и притом так просто-душно по виду, но так осмысленно по существу. Видно, переводчица технической литературы, ученый-философ всерьез задумывалась над природой поэзии. Она писала:

*Стихи — воплощенье
 коварства,
 Когда не даются нам
 в руки.
 Они и болезнь, и лекарство,
 Но не панацея от скуки.*

С этим легко согласиться. В книге Евгении Львовой найдешь и душевность, и зоркость, и легкую иронию. Чего уж наверняка искать не надо — скуки. Стихи писались, как дневник, — для себя. А оказалось, что нужны и другим людям.

Лев ОЗЕРОВ.

Евгения Львова. Желанный гость из сказочных миров. С.-Пб.: Художественная литература, 1993.

19.04.94